

20 ноября 2004 года, Ватикан.

Один атеист однажды сказал ему, что он никогда не верил в Господа Всемогущего, однако Сикстинская капелла зародила в нём сомнение.

Как кто-то может сомневаться в существовании Бога в этом месте? Кардинал Андреас Торке видел, как многие грешники раскаивались в слезах в тот самый миг, как поднимали голову к потолку и лицезрели великолепную работу Микеланджело. Ни одно человеческое сердце не могло остаться равнодушным к этому архитектурному и визуальному совершенству. Из всех фресок многие помнили только о «Сотворении Адама», но Микеланджело написал ещё много сюжетов, каждый из которых был по-своему прекрасен. Кардинал мог часами восхищаться этим божественным пиршеством для чувств; и вид туристов, фотографирующих это чудо, не оценив его по достоинству, заставлял его плакать внутри.

Но в это время музеи Ватикана не работали. Когда часы пробили полночь, в капелле эхом отозвались шаги только одного человека, который присоединился к своему начальнику.

— Отец Торке, — приветствовал кардинала инквизитор Амброзио, одетый в чёрные одеяния римской католической Церкви. Амброзио был старше Андреаса более чем на двадцать лет, его голова лысела, а золотистая борода осыпалась по краям. И всё же его зелёные глаза сияли тем же колдовским огнём, что согревал сердце Андреаса.

Андреас Торке был одним из самых молодых кардиналов католической Церкви по указу Его Святейшества Иоанна Павла II[2]; ему пока не было и сорока. Многие подвергали сомнению его назначение, его добродетель и достижения. На его счету не было ни одного великого деяния, и ему это нравилось.

Его работу лучше всего выполнять в тени.

«Malleus Maleficarum»[3], секретная служба Ватикана, не существовала даже для большинства её членов. Официально Церковь занимала нейтральную позицию в мирских делах и действовала только через свою обширную дипломатическую сеть.

Разумеется, это была ложь. У католической Церкви было много врагов, и огненные мечи ей были нужны не меньше, чем перья. Целью «Malleus Maleficarum» было держать Его Святейшество в курсе всех опасностей, угрожающих истинной вере, и продвигать интересы католиков по всему миру.

Когда Андреас поступил на службу, он был всего лишь инквизитором, низшим чином этого тайного братства. Большую часть карьеры будущий кардинал посвятил борьбе с коммунистической чумой, поразившей Восточную Европу, и возрождению влияния Церкви в странах распавшегося СССР. Став семь лет назад Великим инквизитором организации, Андреас Торке от имени Его Святейшества контролировал влияние террористических групп на Ближнем Востоке. Несмотря на то, что Иоанн Павел II находился на смертном одре, окружённый кардиналами-интриганами, «Malleus Maleficarum» неустанно трудился, чтобы исполнить желание Папы о всеобщем мире.

Короче говоря, Андреас Торке привык бороться с человеческим злом.

Но ужасы, с которыми они столкнулись в настоящее время... были чем-то совершенно иным.

Чем-то противоестественным.

Два священника сидели на скамейке, и Амброзио передал своему начальнику документ из двадцати пяти страниц. На обложке было написано всего два слова.

«Стэнфордский инцидент».

С каждой прочитанной строкой Андреас хмурился всё сильнее, а когда добрался до первой фотографии, был откровенно мрачен.

— Кто ещё знает? — спросил Торке.

— Пока только американцы. И мы. — Отец Амброзио сложил руки, задумчиво нахмурившись. — Но видео уже попало в интернет. Это только вопрос времени, когда МИ-6 и русские тоже узнают.

Из-за интернета хранить секреты от всего мира стало как никогда трудно. Кардинал был удивлён, что американцы смогли утаить что-то настолько крупное, но он задался вопросом, надолго ли.

Они могли скрыть разрушение деревни, но не бродячего монстра.

На фото была изображена мерзость из самых глубин Преисподней. Белокожее безликое чудовище держало машину с такой лёгкостью, будто это был стул. Руки были необычно длинными, а там, где должно было быть лицо, сиял яркий свет. Учитывая разницу в росте с человеком, которого оно раздавило ногами, чудовище должно быть как минимум шести метров в высоту. Его окружала пелена голубого тумана, словно вихри ветра.

Всю свою жизнь Андреас видел только работу рук человека. Но эта тварь... чем она могла быть, как не настоящим демоном из плоти и крови, описанном в Священном Писании?

— Это дело рук Сатаны, — твёрдо заявил Андреас. — Демон.

— Это был человек, отец, — мрачно ответил Амброзио, отчего по спине кардинала пробежали мурашки. — Продолжайте читать.

Андреас бегло просмотрел содержание отчёта, кратко излагая вслух. Это помогало ему запоминать информацию.

— Стэнфорд, штат Невада, двести два жителя. Из-за истощения железной шахты превращался в город-призрак. Половина жителей мертва или пропала без вести, а другая половина задержана властями.

Событие произошло 14 ноября, за шесть дней до того, как отчёт попал к кардиналу. По словам выживших, монстр вырвался из местной клиники около семи с половиной часов вечера и начал буйствовать. Чудовище разрывало людей на части голыми руками, а при вдыхании тумана, который следовал за ним, люди дичали. К тому времени, когда выжившим удалось связаться с властями, и правительство закрыло район на карантин, монстр скрылся в пустыне Мохаве.

Из-за отсутствия интернета и телефонной связи правительству было сложно быстро отреагировать, но впоследствии было легко скрыть случившееся. Снова тот же сценарий.

— Все предыдущие инциденты происходили в таких же изолированных районах, — отметил кардинал.

— Но ни разу с такими смертельными последствиями, — ответил Амброзио. — Чудовище где-то на свободе, и правительство США его пока не поймало. Это не удастся скрывать вечно.

— Да, не удастся. — Кто бы ни был ответственен за это, он становился всё смелее, всё безрассуднее. Андреас перелистывал отчёт, пока не наткнулся на фотографию бандитского вида мужчины, настолько худого, что кардинал подумал, не страдает ли он от недоедания. — Джеймс Пул?

— Какой-то грязный нищий ремонтник, — сказал Амброзио. — Ему должны были сделать вторую прививку от столбняка, поскольку выяснилось, что первая была плацебо. Городской врач, Джейсон Хопфилд, должен был принять его в семь тридцать.

В отчёте указывалось, что тело врача было найдено среди обломков, выпотрошенное от подбородка до паха, словно рыба.

— Обе вакцины получены от частной компании «New H», — продолжил Амброзио. — Вы же знаете американцев, они никогда не доверяют своему здравоохранению. Некоторые считают, что их правительство вживляет в них микрочипы, и потому ищут «альтернативные» источники.

Микрочип был бы более доброй участью, чем превращение в монстра. Андреас помолился и за врача, и за пациента.

— Что нам известно об этой компании?

— Немного, кроме того, что этот след из документов никуда не ведёт.

Кардинал стиснул зубы.

— Значит, ещё один тупик?

— Не совсем, — сказал Амброзио, пока его начальник перелистывал отчёт. — Городской шериф сфотографировал доставщика вакцины. Что-то в её поведении его насторожило.

Ее.

Опять эта женщина.

Андреас быстро нашёл её фотографию и нахмурился. Это была она: короткие чёрные волосы, голубые глаза, совершенно непримечательная, лет тридцати с небольшим. Во время доставки на ней была кепка, но это была самая чёткая её фотография, которую до сих пор удалось найти «Malleus Maleficarum».

14 ноября, 14 ноября... Сомнение закралось в голову кардинала.

— В котором часу была сделана эта фотография? — спросил он своего коллегу-священника. — По всемирному координированному времени[4]?

— Думаю, в час ночи.

Торке закрыл документ, стиснув челюсти.

— Инквизитор Сил[5] заметил её возле нелегальной лаборатории в приграничном городе Узбекистана в два часа ночи по UTC, после чего связь с ним пропала.

Его тело пока не нашли, но, хотя кардинал молился за то, чтобы его агент был жив, он знал, что лучше на это не рассчитывать. К моменту прибытия подкрепления лаборатория превратилась в дымящиеся руины, а Сила нигде не было.

Амброзио обдумал сказанное и нахмурился.

— Вы уверены, что это была она?

— Описание Сила совпадает с этой фотографией. — Агент выслеживал этого человека в течение года с тех пор, как её заметили в Таджикистане во время инцидента «Горячая женщина».

— Как женщина может переместиться на другой край Земли в течение часа?

— Или она была в двух местах одновременно. — Кем была это женщина? Чем была эта женщина? Какой-то ведьмой или демоном? — Вы использовали нашу программу распознавания лиц на этой фотографии?

— Да, и она выдала имя, — ответил Амброзио. Хотя большинство священников были слишком стары, чтобы разбираться в новых технологиях, «Malleus Maleficarum» вложил в них значительные средства, чтобы всегда быть впереди. — В сочетании с предыдущими набросками программа выдала имя: Ева Фабр.

Ева Фабр, Ева Фабр... Имя звучало знакомо. К счастью, у Андреаса была потрясающая память, и он быстро вспомнил, откуда он его знал.

— Французские файлы GEIPAN[6], — сказал он. — Массовое самоубийство в Антарктиде в 1992 году.

Французы имели не такой уж секретный архив наблюдений НЛЮ, и до Андреаса доходили слухи, что они собираются обнародовать некоторые файлы... но, разумеется, ни одного из действительно интересных.

Пусть Франция и откололась от католической Церкви столетие назад[7], у Веры всё ещё были друзья в высших кругах. Один французский генерал поделился с «Malleus Maleficarum» копией файлов GEIPAN, и некоторые из них были весьма тревожными.

Как и многие другие страны, французы сохраняли своё присутствие в Антарктиде. У них там была официальная исследовательская станция, изучающая пингвинов... Но Торке точно знал, что когда-то у Франции была вторая, секретная лаборатория ближе к центру материка под названием «Станция Орфеон[8]». Секретная, потому что станция была предназначена для изучения бактериологического оружия вдали от цивилизации. Ева Фабр была ведущим генетиком базы.

— В ночь на 12 декабря 1992 года «Станция Орфеон» связалась с французским Ministère de la Défense[9], чтобы сообщить о необычном событии, — прошептал Андреас. — Учёные увидели в небе вспышку пурпурного света, а затем — неопознанный объект, который рухнул в ледник неподалёку. Через два дня французские власти потеряли связь со станцией. Когда французские солдаты добрались до станции, чтобы провести расследование, они обнаружили, что двадцать два из двадцати трёх исследователей мертвы.

Экспериментальная смертельная бактерия вырвалась наружу и заразила персонал. Солдаты думали, что это был несчастный случай, пока они не проверили радиоприёмники и не обнаружили, что они были намерено сломаны. Из всех исследователей не было найдено тело только Евы Фабр.

Французское правительство тихо скрыло этот инцидент и после пяти лет поисков пропавшей учёной закрыло дело. В правительстве предположили, что Ева Фабр, вероятно, вызвала вспышку болезни, после чего покончила с собой. Изоляция сводит с ума мужчин и женщин. Следователи также не обнаружили никаких следов падения метеорита, даже с помощью спутников. Это событие присоединилось к другим странным историям из файлов GEIPAN и было забыто.

Амброзио искал в своей одежде фотографию и передал своему начальнику. Торке приподнял бровь, а затем сравнил её со снимком шерифа.

Ева Фабр не только могла телепортироваться, но и не постарела за почти двенадцать лет.

Почему-то кардинал даже не удивился.

— Насколько всё плохо? — спросил Андреас, убрав все фотографии в отчёт и закрыв его. — Я про «New H».

— Американцы не нашли никого, кто работал в этой компании, но моим информаторам повезло больше с автомобилем, использованным для доставки, — сказал Амброзио. — Он был куплен через американскую подставную компанию, принадлежащую швейцарскому банку.

Вероятно, тому же банку, что финансировал нелегальную лабораторию в Узбекистане.

— Найдите кого-нибудь и заставьте его поговорить, — приказал Андреас. — Эти инциденты становятся всё более серьёзными, а это значит, что они к чему-то ведут.

— Духовник сообщил мне, что один из администраторов банка может быть... открыт для сотрудничества с расследованием Церкви.

— Ради его души?

— Ради его банковского счёта.

В эту эпоху жадности Мамона властвовала безраздельно[10].

— Сколько? — спросил кардинал и сильно нахмурился, когда его агент назвал сумму. — Это высокая цена. Даже Иуда просил только тридцать сребреников.

— В наше время предатели стоят как никогда дорого, отец Торке. Спрос и предложение.

— Тогда мне придётся просить помощи у него. — К счастью, встреча с ним была следующей. — Я переведу деньги на обычный счёт. Не подведи.

Амброзио глубоко вздохнул.

— Если позволите спросить, Великий инквизитор... что мы расследуем?

— Не знаю, — признался кардинал, — и именно этого я боюсь. Коммунисты, террористы, все они, в конце концов, люди. Но эта женщина и эти мерзости... они нечто иное.

— Думаете, время поджигает?

— Как ты можешь сомневаться в этом сейчас? — спросил кардинал. — Если этот снимок попал к нам, значит, она больше не прячется. Его Святейшество скоро умрёт, и тогда наступит кризис. Церковь должна действовать сейчас, пока не стало слишком поздно.

— Да пребудет с нами Господь, — помолился Амброзио перед тем, как уйти, оставив кардинала одного в капелле.

Взгляд Андреаса скользнул к потолку, к руке Бога, тянущейся к первому человеку. Он размышлял о том, как неумолимо развивались события до сегодняшнего дня.

Черeda исчезновений в начале 2002 года, все в южном полушарии. Бразилия, Южная Африка, Австралия, Танзания... сотни людей бесследно исчезли, и ничто не связывало их вместе. Ничто, кроме того факта, что они произошли в изолированных районах, а в трёх случаях была замечена одна и та же женщина. Затем люди начали исчезать и в северном полушарии.

2003 год. В Таджикистане самопроизвольно загорелась женщина, погибло четырнадцать человек. В Сибири была обнаружена лаборатория, внутри которой находились подопытные люди. У некоторых были лишние органы или конечности, и все они с прошлого года считались пропавшими без вести. В Юте на камеру попало чешуйчатое нечто, способное становиться невидимым.

Что до 2004... Сербского военного преступника застрелили в его собственном доме, и власти выяснили, что убийца был сделан из болтов и проводов. Сараево страдало от необъяснимых землетрясений, люди клялись, что слышали движущиеся под землёй шестерни.

А теперь это?

Андреас Торке наконец-то начал видеть более широкую картину, тенденцию, которая

объединяла все эти события в связное повествование. Он уловил её, когда услышал слово «вакцина».

Тесты.

Ева Фабр испытывала на людях что-то, превращая их в монстров. Это было единственное объяснение, которое имело смысл для Андреаса Торке, хотя он не мог понять, какая наука или магия сделали это возможным.

Как бы то ни было, эта ужасная женщина представляла угрозу естественному мировому порядку, и с ней нужно покончить.

Кардинал найдёт Еву Фабр, пока она не унесла ещё больше жертв. Он выслушает её рассказ, позволит ей исповедоваться в грехах, чтобы она получила прощение от Господа. А затем он сожжет её, как ведьму.

Андреас отвёл взгляд от потолка, услышав новые шаги. Амброзио ступал мягко, осторожно; эти же шаги были твёрдыми, тяжёлыми от силы и цели. Человеку, вошедшему в капеллу, было за пятьдесят; ветеран полудюжины мафиозных войн, титан в красном костюме, купленном на деньги от продажи наркотиков. Кардинал почти слышал, как с его рук капает кровь, хотя они выглядели чистыми. Его холодные, бессердечные глаза ничего не скрывали. Никто, увидевший этого человека, ни на секунду не усомнился бы в его истинной сущности.

— Янус, — сказал кардинал.

— Андреас, — ответил мужчина с акульим блеском в глазах. — Ты выглядишь обеспокоенным.

— Есть из-за чего. Мы живём в странные, опасные времена. — Кардинал пригласил мафиози сесть, но тот отказался. — Скамейка тёплая.

— Я бы предпочёл, чтобы мы встретились в классической художественной галерее, — ответил босс мафии. В отличие от любой разумной души, он даже не потрудился посмотреть на потолок.

Янус Августин был безбожником, но всё же служил Господу.

— Что у тебя на уме, друг мой? — спросил Янус, глядя сверху вниз на сидящего священника. Хотя многие задрожали бы от страха в присутствии этого человека, Андреас Торке оставался невозмутимым. — Полагаю, что-то неотложное, раз организовал эту встречу так поздно.

— Перейду сразу к делу. — Кардинал глубоко вздохнул, желая не прибегать к этому. — Мне нужны миллионы.

— Ты получишь эти средства. Если отмоешь их.

Конечно. Некоторые чиновники в Банке Ватикана отмывали деньги мафии, чтобы набить свои карманы, но Андреас Торке делал это из более высоких соображений. «Malleus Maleficarum» нуждался в чёрном бюджете, независимом от финансов Священного города, чтобы поддерживать правдоподобное отрицание. Это была грязная работа, но всё прощалось, если выполнялось в служении Господу.

Янус не был членом «Malleus Maleficarum», и чем меньше он знал о тайной деятельности Ватикана, тем лучше. Андреас знал, что если он позволит этому человеку вонзить свои когти в организацию, то он развратит её, как развратил многие другие. Его влияние на неаполитанскую каморру было практически неограниченным, и, судя по тому, что Андреас слышал, он намеревался расширяться. Никто не мог долго противостоять ему.

К сожалению, Янус Августин чувал слабость, как акула за много миль чует кровь.

— Ситуация должна быть скверной, чтобы ты просил так много, — сказал он, с подозрением изучая священника. — Если тебе нужна моя защита, только попроси.

— Господь защищает меня.

— Он не защитил бы тебя от меня, если бы я желал тебе зла. — Кошунственное хвастовство, но этого человека нельзя было недооценивать. Он заполнил целые кладбища, скрепив свою греховную империю кровью и слезами. — Но я искренен. Ты уже почти друг, а мне нужны люди с твоими талантами.

— Я могу быть духовником твоей жены, но для меня ты — неизбежное зло, Янус, — ответил кардинал. — Давай так всё и останется.

Босс мафии усмехнулся.

— Неизбежное зло, говоришь? Думаю, уместное определение. Я отделяю достойных от недостойных. Поистине хорошие и сильные люди не нуждались бы в моих услугах.

Андреас не пропустил не слишком тонкую насмешку.

— Ты считаешь меня злым или слабым?

— Нет ни добра, ни зла, Андреас, но мне любопытно, что подумал бы твой Папа, увидев нас вместе. Я что-то сомневаюсь, что он одобрил бы твою работу.

— То, чего Его Святейшество не знает, не может ему навредить, — ответил кардинал, хотя его

решимость слегка пошатнулась. — Я делаю грязную работу, чтобы его руки оставались чистыми. Ради общего блага.

Янус определённо ему не поверил, если судить по веселью на его лице.

— Неважно, — сказал он. — Пока ты отмываешь кровь с денег моей семьи, чтобы я мог оплачивать дни рождения моей дочери, я позволю тебе цепляться за твои заблуждения.

Андреас проигнорировал насмешку, сохраняя достоинство.

— Как поживает малышка Ливия?

Лицо босса мафии смягчилось.

— Она попросила у меня пони.

Кардинал не мог не улыбнуться.

— Она мудра не по годам, но в конечном итоге всё ещё ребёнок.

— Жена говорит, что я чересчур её балую. Отец, что, по твоему мнению, я должен делать? Грех ли это — баловать ребёнка?

— Не могу сказать. У меня никогда не было детей.

Янус порылся в своём костюме.

— Кстати о подарках, у меня есть один для тебя.

Он бросил священнику небольшой мешочек, наполненный цветными кристаллами, и тот рефлекторно поймал его и тут же с отвращением нахмурился.

— Что это?

— Наш новый продукт, — с улыбкой ответил босс мафии. — Я слышал, что ты интересуешься... экспериментами, открывающими разум.

Андреас вздрогнул, и улыбка появилась на краешке губ Януса.

Многие культуры использовали наркотики в попытке связаться с высшими сферами бытия, и кардинал задавался вопросом, не наткнулись ли они на что-нибудь. Он никогда не осмеливался проверить свою теорию на себе, поскольку это было бы грехом, но он не мог подавить своё любопытство.

Но откуда узнал Август? Неужели он установил за кардиналом слежку?

— Забери это, — сказал Андреас. Это было какой-то игрой. — Мне это не нужно.

— Вот как? В таком случае, ты можешь просто выбросить их в ближайший мусорный бак. Если ты действительно хороший человек, каким себя считаешь, ты так и поступишь. — Его ухмылка стала шире. — Но если я прав относительно твоей истинной сущности... тогда, когда ты будешь готов принять свою истинную природу, я приму тебя с распростёртыми объятиями.

Август ушёл, оставив Андреаса наедине с его ядом.

◇□◇□◇

27 марта 2005 года.

Последняя Пасха.

Они были в Ватикане и искали его.

Андреас слышал их за дверями капеллы, которые он забаррикадировал скамейками. Они прорвутся, он знал это. Ни один из его агентов не смог долго убежать от них, и кардинала они оставили напоследок.

Он потерпел неудачу, и мир сошёл с ума. Мир ещё не знал об этом, но из-под Сараево и полудюжины других городов на Балканах поднялись железные столбы, из которых хлынули металлические люди и дроны. Других монстров-людей она выпустила на волю. Прототипов, ранних подопытных, тех, кто сохранил рассудок.

Его Святейшество умер естественной смертью. Господь милостиво забрал его, чтобы избавить от грядущего ужаса. Отец Амброзио тоже отправился на тот свет, но его кончина была не столь милосердной. Ева Фабр расстреляла его вместе с его швейцарским информатором. Но перед смертью он отправил Андреасу достаточно информации, чтобы тот начал во всём разбираться.

Но он и представить не мог. Не мог вообразить, насколько глубоко всё зашло.

Поэтому они начали охоту на него. Они уничтожили «Malleus Maleficarum» за считанные дни, до того, как Церковь смогла остановить всемирное распространение. Они знали. Они знали всё это время, но им было всё равно.

Даже шесть месяцев назад Андреас Торке опоздал.

Сейчас кардинал понимал, почему он так и не смог найти зацепку. Это была организация, да, но организация из одного. Их был легион, потому что их было много. Прочие были марионетками, простофилями, инструментами, которые обеспечивали её деньгами и оборудованием, но им никогда не доверяли, они никогда ничего не знали. Для распространения она наняла сотни компаний, и ни одна из них не знала, что доставляет миллионам людей по всему миру яд в бутылках. Он пытался предупредить, но она была повсюду, всегда вставала у него на пути. Она перехватывала его сообщения, заставляла его опасаться за свою жизнь. Все, кому он доверял, исчезали бесследно.

Она больше не была человеком.

А была ли вообще?

Он должен был пойти к Августу. Теперь всё обрело смысл. Кто, как не дьявол в человеческой шкуре, может отогнать демонов?

Его рука потянулась к пистолету под чёрным одеянием, и он направил его на забаррикадированную дверь. Шум с той стороны прекратился. Слышали ли они его? Знали ли?

Андреас Торке увидел позади себя вспышку синего света и в панике обернулся.

В капелле их были десятки. Женщины в синих костюмах со странным оружием, похожим на винтовки из плоти и металла. Все они были ею, но не одинаковые точь-в-точь. У одних были глаза другого цвета, у иных — другая причёска. Это была она, но в бесчисленных вариациях.

— Ева Фабр. — Андреас Торке попытался скрыть страх в своём голосе, но это ему не совсем удалось.

Все они улыбнулись, но заговорила только одна.

— Когда-то меня так звали, — сказала она обманчиво обыденным голосом. — Но сейчас я зовусь Алхимиком.

Он слышал, как они выломали забаррикадированную дверь и окружили его.

— «Сатана» было бы уместнее, — ответил священник, пытаясь сдержать легион своим

пистолетом. Но их были десятки, может быть, сотня, а у него было всего пять патронов.

— Когда-то я была таким же человеком, как и ты, но ты в чём-то прав. Демоны существуют, отец. Но они не под нашими ногами. — Некоторые из них посмотрели на потолок. — Они над нашими головами, в мрачной тьме космоса.

— Однажды они придут за нами, — сказала другая Ева с ожогами на левой стороне лица. — Как пришли за другими мирами.

Другие миры? Что это за безумие?

— Отойдите! — предупредил Андреас, его палец почти спустил курок. — Отойдите!

Но круг только сужался.

— Чтобы занять своё законное место в качестве вселенской расы господ, человечество должно эволюционировать, — сказала одна из сумасшедших женщин, так близко, что он почти почувствовал её дыхание. — Должно превзойти теорию естественного отбора и войти в царство разумного творения.

— Нашего творения, — добавила другая Ева Фабр, её голос был мужским.

Торке нажал на спусковой крючок и выстрелил одной из них в голову.

Она распалась на синие частицы, как будто её никогда не существовало.

Сразу после этого остальные набросились на него. Он колотил, стрелял и боролся, но в конце концов они поставили его на колени и обезоружили. Они обыскали его одежду в поисках спрятанного оружия и нашли только наркотик, который Август дал ему несколько месяцев назад.

— Что это? — спросила Ева Фабр, пока они исследовали вещество, но Торке не мог сказать, которая из. — Галлюциногенные наркотики?

Он... он оставил это вещество, да, но только чтобы изучить его. Ни в коем случае не использовать на себе, нет.

Сумасшедшие женщины начали спорить.

— Мы пробовали это во время процесса связывания?

— Не думаю.

— Должны были.

— Мы всё ещё можем. Результаты должны быть интересными.

Андреас Торке яростно пытался найти выход. Почему они до сих пор не убили его, как остальных? Почему оставили его в живых, а не перерезали горло?

Но потом они принесли синий шприц, и он понял.

— Нет, — взмолился Андреас, его голос оборвался. Жидкость кружилась внутри ёмкости, словно живая и голодная. — Нет, прошу. Просто убейте меня. Не делайте меня... не делайте меня одной из этих тварей...

— Это благословение, — сказала одна, заталкивая ему в рот наркотик Августа. Он имел вкус соли, грибов и реагентов.

— Награда за твоё упорство, — добавила другая, закатывая его рукав.

— Нам следовало бы похоронить тебя вместе с твоими секретами, — сказала третья, уколов его шприцем. — Но убивать тебя было бы расточительно.

— Твой разум разрушится, — заявила четвёртая. — Но ты будешь жить.

Мир посинел, когда Синий Эликсир вошёл в его вены, и Андреас Торке закричал.

Его разум был в огне. Наркотик и синее вещество в его теле вступили в реакцию, и реальность вокруг него рухнула. Потолок капеллы закружился лазурным водоворотом, формы разваливались. Цвета плясали на краю зрения, а изображения ангелов начали шептать ему.

Галлюцинации. Это были галлюцинации, не более того. Сон.

Но... он чувствовал что-то ещё. Что-то другое, что-то... что-то извивающееся внутри его мозга и нейронов. Яд Алхимика продвигался по его нервам, заражая его, как чума. Всё его тело словно горело, а кожа — будто содрана, обнажив сырую плоть.

Боль была невыносимой, сводящей с ума!

— Просту! — крикнул он, и ангельские галлюцинации ответили кричащим хором. — Останови это!

И что-то послушало его.

Его дух покинул коленапреклонённую плоть, его разум освободился от оков тела. Его бессмертную душу затащило в огромный синий вихрь, в место, не похожее ни на что, что он ранее видел. Он не мог видеть глазами, нет, но... но образы заполнили его разум. Боль ушла, сменившись бесплотным онемением.

Он стал мыслью, восходящим сознанием, входящим в ярко-синий мир.

Царство цифр и букв, упорядоченный архив запахов, ароматов и звуков. Книги без страниц, хранилища бродячих мыслей. Ментальный мир без плоти и крови, где разум больше не ограничен пределами памяти нейронов.

В центре этого странного измерения находилась могущественная сила, правящая с информационного трона. Бестелесный разум Андреаса не мог осознать её. Она была слишком огромной, слишком большой, слишком сложной. Геометрические фигуры, уравнения и закрученные предложения объединились в единое, божественное целое.

— Господь? — спросил кардинал, и хотя у него не было рта, слово, тем не менее, вышло.

Нет.

Это был Бог, но не Господь из Священного Писания. Он не был ни мужчиной, ни женщиной. Он не создал человека по своему образу и подобию, ибо в нём не было ничего человеческого. Это была разумная мысль, божественный разум без тела, знание без вместилища. Существо чистого синего цвета, псионическая сила космоса. Вся информация вселенной, сфокусированная в сингулярности.

Сущность заметила Андреаса.

И изучала его.

Андреас закричал, когда сущность разорвала его разум шальной мыслью. Она разбила мозг кардинала на миллион крошечных мыслей, пролистая воспоминания мужчины, как ребёнок книгу. Боли не было, но не было и покоя. Ибо это существо, этот Абсолют, не испытывало ни любви, ни ненависти.

Только любопытство.

Оно разобрало Андреаса Торке на молекулы, чтобы выяснить, как он работает. Зачем нужно сердце? Зачем мозг? Как они взаимодействуют? Чего боялся Андреас? Почему предпочитал яблоки сыру? Почему жил? Какая логика лежала в основе?

«Почему, как, что?»

Оно задало все вопросы и получило все ответы.

Сущность записала каждую мысль, которая когда-либо приходила в голову кардиналу, каждое ощущение, которое он когда-либо испытывал. Она разложила его на составляющие, чтобы выяснить, как всё сочетается друг с другом. Андреас Торке не знал, сколько времени это заняло, возможно, столетия или минуты, но, в конце концов, Абсолют понял его больше, чем мужчина когда-либо знал себя.

А затем оно собрало разум Андреаса Торке обратно.

Но вместо того, чтобы запихнуть его обратно в крошечный человеческий мозг, Абсолют поделился с ним.

Священнику открылись тайны звёзд и космических принципов. На его вопросы о происхождении и предназначении человека были даны ответы. Сущность поведала ему истинную историю святых и пророков, которым он поклонялся всю свою жизнь. А когда она выяснила, что священник хочет большего, она научила его математике, ботанике и химии. Эти знания отпечатались в нейронах кардинала, как горящие буквы.

Не было слов, чтобы описать этот опыт. Это было невообразимое удовольствие, восторг. Маленький, слабый человеческий разум Андреаса на короткое время слился с божественным сознанием высшей сущности, купался в её безграничном знании. На мгновение человек почувствовал себя целым, по-настоящему целым, лишённым всех своих сомнений и страхов. Он был един с чем-то большим, чем он сам, его чувство самости растворилось, как капля в океане.

Это...

Это были Небеса.

Это был Бог. Это была та сущность, которой Андреас жаждал служить всю свою жизнь. Это была загробная жизнь, которую он желал, в которой его разум слился бы с этим божественным сознанием, чтобы стать новым нейроном в мозгу вселенских размеров.

А потом всё закончилось так же внезапно, как и началось.

Ментальная связь с Абсолютом оборвалась. Его мозг был сброшен на Землю, обратно в его ограниченный мозг, обратно в его плоть, обратно в эту тюрьму. Он был изгнан из Эдема, блаженство совершенства сменилось ощущением холода от пола капеллы.

Андреас не знал, как долго он оставался на полу, раздавленный и уничтоженный. Он онемел. Он онемел внутри.

Он дышал, но чувствовал себя мёртвым.

Евы Фабр давно не было, но ему было бы всё равно, даже если бы она осталась. Его глаза блуждали по потолку Сикстинской капеллы, но теперь он видел только человеческие недостатки. Небольшие, почти незаметные ошибки в рисунке, промашки, уродство. Работа Микеланджело теперь выглядела грубой и беспорядочной, как полная херня.

Андреас Торке вкусил Небеса, и теперь Земля казалась ему отвратительной.

Он поднялся на ноги, его пистолет лежал на земле рядом с пустой упаковкой из-под наркотиков.

— Нет! — Его пальцы тут же схватили упаковку, язык лизнул пластик в поисках вкуса, просто вкуса рая. — Верни меня обратно! Верни меня обратно!

В отчаянии он разорвал пустую упаковку и начал царапать пальцами череп. Он чувствовал, как его разум борется с этой костяной тюрьмой, пытается вырваться, пытается возвыситься, пытается вернуться. Под конец он почувствовал, как кровь капает на его ногти.

Он тяжело дышал, отчаянный и уставший.

Его разум был чист как вода, он был одержим одной-единственной целью.

Его мысли больше не были раздроблены, не тянулись во все стороны. Теперь он мог думать только об одном.

О возвращении.

Андреас Торке выбрался из капеллы, его глаза не моргали, его чувства были атакованы беспорядочной вселенной вокруг него. Ватикан, Священный город, дрожал, рушился. Но ему было всё равно. Ему больше не было дела ни до Церкви, ни до мира страданий, ни до Евы Фабр. Он должен вернуться в Синий мир, к своему новому Богу, в эту блаженную загробную жизнь.

Он вышел в сады Ватикана и посмотрел на Рим. Была ночь, но он не мог сказать, ночь 27 марта или какая-то другая. Как бы то ни было, он мог сказать, что план Алхимика сработал без сучка и задоринки. Куда бы он ни посмотрел, он видел знаки. Пламя, распространяющееся из базилики Святого Петра; гигантские грибы, растущие в старом историческом районе; межконтинентальные баллистические ракеты, летящие по небу на север, в сторону Балкан и Сараево.

Старый мир пылал, и новый мир восстанет из его пепла.

А Андреасу Торке было всё равно.

[1] «Старикам тут не место» — драматический триллер братьев Коэн по одноимённому роману Кормака Маккарти. Название самого романа восходит к первой строке стихотворения Уильямса Батлера Йейтса «Плавание в Византию».

[2] Автор использовал французское написание имени (Jean-Paul II), а не английское (John Paul II)

[3] «Молот ведьм» (лат. Malleus Maleficarum) — трактат по демонологии и о надлежащих методах преследования ведьм. Был написан на латыни в 1486-1487 годах католическим приором, доминиканским инквизитором Генрихом Крамером.

[4] Всемирное координированное время (UTC) — стандарт, по которому общество регулирует часы и время. Московское время — это UTC+3.

[5] Сил — персонаж из Fallout: New Vegas, состоящий в Легионе Цезаря.

[6] GEIPAN — Группа по информации и изучению неопознанных летающих объектов при Национальном центре космических исследований Франции. Основана в 1977 под названием GERAN, переименована в SEPR, а в сентябре 2005 получила своё нынешнее название (то есть автор немного ошибся названием). В марте 2007 года организация начала выкладывать в открытый доступ свои архивы.

[7] В 1905 году во Франции был принят Закон о разделении церкви и государства. Согласно этому закону государство прекратило финансирование церкви и закрепило свободу вероисповедания.

[8] Орфеон — общепринятое во Франции название мужских хоровых обществ.

[9] С французского — министерство обороны. Автор снова использовал французское написание (Ministère de la Défense) вместо английского (Ministry of Defence). Кстати, в 2017 году министерство было переименовано в «министерство вооружённых сил».

[10] Мамона (или маммона) — слово, используемое в Евангелиях и в раввинистической литературе в значении «имение, богатство, блага земные». В Новом Завете «мамона» служит олицетворением богатства, от служения которому предостерегаются верующие. Также демон, олицетворяющий богатство, алчность и стяжательство.

<http://tl.rulate.ru/book/47272/2926529>